

НЕПОНИМАНИЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Статья посвящена проблемам восприятия и познания в условиях современной когнитивности, обеспеченной техническими видеорепрезентациями. Рассматривается тип отношения к отраженной реальности, при котором происходит торможение процессов интерпретации и возникает возможность онтологически исходной экзистенциальной ситуации пра-импресии.

Ключевые слова: интерпретация, неопределенность, непонимание, феноменология сознания, техническая видеорепрезентация.

Предельная интерпретация в условиях технического отражения реальности

Современная когнитология исходит из определения знания как организации представления, обеспеченной способностью субъекта инкорпорировать внешние сигналы, *испытывать* информацию [Польрэ, 2007]. Это возможно в том случае, когда субъект распознает и способен интерпретировать коды, образующие смысловое поле сигнала. Такая модель познавательной ситуации требует допущения и продумывания альтернативной модели, исключающей усвоение сигнала на базе имеющихся у субъекта механизмов интерпретации. Непонимание как невозможность организации представления и, следовательно, невозможность знания указывает на ограниченность сферы интерпретант, используемых субъектом для декодировки сигнала, и дает возможность помыслить сферу метасемиозиса как чистого условия всякого смыслообразования.

И классическая, и постмодернистская теории познания указывают на позитивную роль непонимания в познавательном процессе. Знание возникает как отрицание незнания. Непонимание непреложным образом требует своего преодоления. Незнание, *нулевая степень* смысла, *нонсенс*, *метафизическое отсутствие*, *пустой знак*, – сло-

вом, категории, посредством которых в разные времена – от Сократа и Николая Кузанского до Ингардена, Дерриды и Барта – описывается лиминальная мыслительная ситуация, приобретают свою значимость в перспективе смыслообразования, *метафизического появления*, перехода из нулевой степени смысла в первую и далее.

Но что происходит, если объект, предстоящий наблюдателю, одновременно и требует, и не допускает возможности его *опознания*, если познающий не владеет кодами представленного ему?

В такой ситуации познающий субъект оказывается не столь уже редко. Это обычная ситуация непонимания, сопровождающаяся аффектами страха, изумления, обиды, бессильной ярости. Переживаемый дискомфорт заставляет нас как можно скорее избавиться от непонимания, либо отвергнув предстоящее, либо подчинив его нашим собственным логике и разумению. Это сходно с тем, как, испытывая боль, сигнализирующую о нарушениях нашего физического бытия, об открывшемся переходе в инобытие (всякая болезнь напоминает нам о нашей смертности), мы стремимся избавиться от нее.

Однако философская апология боли (Э. Чоран, В. Гигерич, В. Лехциер) настаивает на позитивности боли как лиминального состояния и предостерегает от тотальной анестезии (и в физическом, и в нравствен-

ном смысле), принятой как стратегия современного культурного существования. Избавляя от страданий, она избавляет и от чувства жизни.

То же с непониманием. Феноменологическая концепция переходности (лиминальности) устраняет гегелевского субъекта, располагающего «наличным сознанием упорядоченной тотальности своего индивидуального мира, в системе которого он подчиняет всякое переживаемое им особенное содержание ощущения, представления, вождления, склонности и т. д., – помещая его в надлежащее место этой системы» [Гегель, 1977], т. е. субъекта-гения, господствующего над этой тотальностью. Дискомфорт непонимания снимается в понятии *субъективности*, конституирующейся непрерывно в жизненных актах. Неуверенность, неопределенность, незнание имеют в таком случае значение феноменологического порога, в преодолении которого течение нашей жизни, нашего чувства и мысли обнаруживает себя. Реальность завершенной референции сменяется реальностью дышащего письма, говорения, жестикуляции.

Письмо и речь как стратегии онтологизации субъекта есть действия руки и голоса, мышц, суставов и дыхания. Голос и почерк сами по себе содержательны и наполнены смыслом. Они позволяют феноменально воспринять или выразить ландшафт внутреннего «я». Феноменология понимает такой ландшафт как пространство, не размеченное фигурами концептов и смыслов, речевого мышления и энграмматической памяти, но «допускающее быть» все возможные фигуры. Благодаря особенностям телесно-душевного рельефа, особой плотности или разреженности атмосферы, наконец, интенсивности «допускающей быть» способности (например, импресии, памяти, воображения), содержательные элементы сознания приобретают объединяющее их индивидуальное качество. Напомним, однако, что феноменология, предлагающая «ландшафтное мышление» (В. А. Подорога) и «апологию черновика» (В. Лехциер), понимает тело как культурный конструкт. Речь-дыхание и почерк-жест являются, быть может, самыми первыми и наиболее истинными репрезентациями внешней и внутренней реальности, первым наброском к персональному образу субъекта. И тем не менее они выполняют интерпретативные функции.

Спиритуалистическая трактовка акта писания или говорения предполагает трансцендентные энергии, предворяющие образование телесных ритмов. Так, в учении Августина небесные ритмы, являясь резонансом ритмов божественных, резонируют в материи, образуя множественность тел, охваченных ритмом Единого. Это разрешает проблему феноменологического метода познания, но останавливает нас на пути онтологизации самого акта познания.

Мы допускаем, кроме тотальности присутствия Единого, дающего дыхание и – вместе с ритмом дыхания – понимание, и тотальность его *отсутствия*. Тогда всякое усилие познания станет не Ответом и не повторением (репрезентацией), но *впервые-замещением* пустоты.

Процесс замещения, застраивания пустоты структурой есть естественный процесс познания. *Отсутствие* в таком случае допускается в качестве диалектически необходимого. *Отсутствие* может стать, напротив, целью познавательного движения, результатом деструктурирующей практики ума. Но деконструкция на деле приводит лишь к замещению пустоты новым конструктом, приводит лишь, по выражению М. Бланшо, «к другой книге или же к другой, чем книга, возможности, но отнюдь не к отсутствию книги»¹.

Бланшо различает *книгу*, *акт письма* и *произведение*, имея в виду, что смысл книги покоится в *отсутствии книги*, а писание как деятельный процесс понимается только в аспекте *без-дельного акта*. Вместо прямолинейного движения к той или иной цели в рассуждениях Бланшо моделируется кружащее движение, постоянно тяготеющее к центру и в то же время, постоянно уклоняющееся от этого центра. Сам мыслящий при этом находится в точке отклонения, продуцируя движение, как того требует познавательный акт, и удерживая траекторию этого движения на расстоянии от цели. Эта точка и сосредоточенное в ней усилие удержания сущностно важны для субъекта познания, поскольку возвращают из уставленного порядка мышления к моменту

¹ Бланшо М. Отсутствие книги. Русский гуманитарный интернет-университет. 1998. URL: <http://www.iqlib.ru/externallibs/externalliblinkslst/2231DD3DACB948529045F184F9E36660/21>

возникновения онтологического условия этого установления.

Сходная модель познавательного акта дается М. Хайдеггером в его философии языка. В частности, мысль о неопределенности вопрошания в беззнаковом исихастическом пространстве как сущностном условии возникновения всякого знания мы находим в эссе «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» [1993]. В феноменологических экспликациях Хайдеггера неопределенность раскрывается как неопределимость и в этом своем качестве способна продемонстрировать интенциональное напряжение чрезвычайно высокой степени. «Кажущееся» (одно из значений термина φαίνόμενον) есть лишь возможность энергичного указывания на то, что «кажет себя», оставаясь невидимым. В свою очередь и «явление» неоднозначно. Это и *проявление* (в смысле давания о себе знать как себя-неказание), и *само дающее себя знать*, которое в своем казании себя указывает на нечто себя-не-кажущее, и собственно *казание себя*. Исходя из этого, Хайдеггер описывает явление одновременно как интенцию, сущее и меональное, как «дающее знать излучение чего-то, что в явлении *таится*» [Хайдеггер, 2003].

«Феномен – себя-в-себе-самом – показывание – означает особый род встречи чего-то, – говорит Хайдеггер. – Явление напротив подразумевает сущую в самом сущем отсылающую связь, а именно так, что отсылающее (дающее знать) способно удовлетворить своей возможной функции только если оно кажет себя само по себе, есть феномен. Явление и видимость сами различным образом фундированы в феномене. Запутывающая многосложность «феноменов», именуемых титулами феномен, видимость, явление, голое явление, поддается распутыванию только если с самого начала осмысленно понятие феномена: себя-само-по-себе-кажущее» [Там же].

В понятиях теории знаковой репрезентации это могло бы означать, что любой набор знаков есть одновременно и определенный предметный результат действия, и само действие неопределенной и неопределимой беззнаковости, стремящейся дать знать о себе. И чем более «оказывает себя» субъект, чем энергичнее разворачивается действие «проявления», тем более «текстуальной» становится онтическая сфера человека и одно-

временно в той же степени убывает вероятность приближения к его подлинному источнику – онтологической неопределимости.

Бланшо, в отличие от Хайдеггера, не рассчитывает на «прорыв» к истине и «онтологическое прозрение». Там, где у немецкого философа располагается «себя-само-по-себе-кажущее», для Бланшо есть лишь отсутствие, не дающее трансцендентных гарантий осмысленности наших действий в свете истины («Акт письма как безделье (в активном смысле слова) – это безумная игра, рискованная случайность между рассудком и безрассудством»².) Кружение на границах пустоты, писание как ускользание не только от завершения, но и от смысла, от участи всякого письма быть *посланием*, заставляет понимать всю динамическую модель акта «отказа-от-произведения» как точку торможения референции. Непрестанное преодоление инерции центростремительного движения (движения к *все-проявляющему* Слову) и одновременно усилие удержания познающей мысли и пишущей руки в деятельном состоянии «бездействия», тем более интенсивного, что его законом становится непроизводительность (иначе – усилие пребывания в чистой потенциальности, не разряжающейся и не успокаивающейся в достигнутом), заставляет сосредоточить внимание не столько на «кружащей» траектории, сколько на точке *уклонения*, точке отказа следовать по инерции *любопытного* разума. Этот отказ Пол Ле Ман, комментирующий литературную критику (экзегезу или интерпретацию) М. Бланшо, называет задержкой в акте понимания.

Стратегия задержанного пребывания в начальном не-рефлексивном моменте письма предполагает такую же стратегию не-рефлексивности в читателе. Однако филологический контекст требования Бланшо предполагает некоторую преднамеренность и относительность пассивного акта. Стратегия отказа от рефлексии и интерпретации должна сама быть результатом рефлексивной работы сознания. Усилие воспринимающего вернуться в собственное предсубъектное состояние и удержаться в нем

² Бланшо М. Отсутствие книги. Русский гуманитарный интернет-университет. 1998. URL: <http://www.iqlib.ru/externallibs/externalliblinklist/2231DD3DACB948529045F184F9E36660/21>

есть субъективное усилие. Книга обладает онтологическим приоритетом перед всяким пишущим и читающим, и чтобы приблизиться к ней, необходимо удержаться от приближения как понимания, которое всегда уже интерпретация, поскольку замещает или изменяет существо произведения симбиотическими феноменами интертекстуального поля.

Акт *задержанной интерпретации* у Бланшо происходит как отрицание существующей возможности понимания-интерпретации и принадлежит второму порядку событий, отделенному от чистого события гипостазиса принятым и затем отмененным предикатом актанта. Язык и Книга в своем существе и являются такими принятыми / отмененными предикатами культурного субъекта.

Возможно, следующим актом может стать предельная интерпретация, как остановка процессов интерпретативности на исходных условиях познания. Тогда мы должны иметь дело с таким предстоящим, которое не позволило бы нам использовать ни опыт дыхания, ни опыт письма и чтения. Этим предстоящим может стать действие аналоговой или цифровой репрезентации. Мы говорим «действие», чтобы предостеречь от инерции эссенциального подхода к этому виду репрезентаций. Рефлексия, понимаемая как сугубо человеческое свойство, как мыслительное отражение мира в качестве содержательного образа или понятия, может быть сведена в технических процедурах фото-, кино- или видеорепрезентации к безличному оптико-химическому или электронному отпечатку. Это позволяет нам отмыслить содержание такой репрезентации. Точнее, этим содержанием станет чистый акт рефлексии.

Мы говорим сейчас о природных особенностях фоторепрезентации, исключая

способы ее культурного использования. Природа технической видеорепрезентации – в «отсутствии человека» [Базен, 1972], в особом качестве отражения, «не пронизанного человеческим сознанием» [Беньямин, 1996]. Такой тип предстоящего Другого *требует* непонимания, но принятого теперь не как гносеологический дефект или слабость, но как возвращение к предельным основаниям познающей способности, к онтологическому условию всякого знания, условию, которое само по себе не может быть ни знанием, ни пониманием, ни даже восприятием в том его качестве, которое определяется априорными формами нашей чувственности.

Список литературы

Базен А. Онтология фотографического образа // Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972. 383 с.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Немецкий культурный центр им. Гёте «Медиум», 1996. 240 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Изд-во соц.-эконом. лит. «Мысль», 1977. Т. 3: Философия духа. 471 с.

Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4 (61). С. 70–113.

Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Материал поступил в редакцию 02.03.2011

O. V. Konfederat

MISUNDERSTANDING AS ONTOLOGIC NECESSITY

The article deals with the problems of perception and cognition in the world of digital technologies. It focuses on the type of relation to the digital visual information which slows down the processes of interpretation and creates the possibility of the ontologically prior existential situation of pra-impression.

Keywords: interpretation, uncertainty, misunderstanding, transitivity, phenomenology of consciousness, technical visual representation.